

**ФИЛОСОФСКАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ:
СТРАНИЦЫ
КЛАССИКИ**

Гуревич Павел Семенович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории антропологических учений Института философии РАН. Постоянный автор журнала. E-mail: gurevich@rambler.ru

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, заведующая сектором истории антропологических учений Института философии РАН. В журнале “Человек” публикуется впервые. E-mail: elvira-spirnova@mail.ru

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЕ ТЕНЬ (Социокультурные конфигурации самотождественности)

© 2016

П.С. Гуревич, Э.М. Спирова

То, чего нет

Издательство “Канон+” выпускает в свет сборник работ известного американского психоаналитика Эрика Эриксона (1902–1994) [4]. Автор — признанный лидер во многих областях психологического и философского знания. Нельзя сказать, что труды этого исследователя не издавались на русском языке [6; 7; 8]. [9].

Творчество Э. Эриксона имеет многочисленные грани. Он яркий представитель неопрейдизма, выступивший вместе с другими психоаналитиками с программой переосмысления концепции З. Фрейда на основе достижений социологии, этнографии, идей структурализма и т.д. Имя Эриксона упоминают также в контексте эго-психологии. Представители этого течения оспаривали положение Фрейда о том, что Эго оказывается, зачастую, служанкой бессознательного. Они полагали, что именно Эго способно обеспечить гармонию физического и социального окружения, стать ядром личности и оказаться фундаментом идентичности. Это понятие едва ли не полностью выражает суть его вклада в психоанализ.

Что такое идентичность по Эриксону? Это — самосознание, которое дает возможность человеку создать устойчивое, прочное представление о самом себе. Но разве подобное обращение к себе обязательно? Миллионы людей на земле вовсе не пытаются уточнить или скорректировать собственный образ. Их вполне устраивает смутное, разорванное самосознание. Они предельно далеки от подлинной человеческой природы, которая характеризует потомка Адама как особый род сущего. Считается, что психоанализ должен помочь каждому индивиду обрести себя. Но почему идентичность столь значима? Потому что без самоотождествления человек утрачивает цельность. Именно общество предоставляет индивиду возможность раскрыть себя, стать личностью.

После того как Эриксон стал последовательно разрабатывать разные аспекты этого феномена, понятие идентичности привлекло внимание множества специалистов самых разных областей знания. Наиболее видные мыслители минувшего века, в том числе М. Бубер, П. Рикёр, М. Хайдеггер, К. Ясперс, отдали дань этой теме. Понятие идентичности буквально вросло в философскую антропологию. За последние годы оно стало ключевым и в осмыслении актуальных вопросов культуры и общества.

Нет оснований полагать, что концепция идентичности в трактовке Эриксона может быть принята сегодня без переосмысления и уточнений. И все же именно ему принадлежит заслуга всесторонней экспертизы данного понятия. Толкуя о сути названного явления, он предложил также термин “кризис идентичности”. В наши дни это словосочетание используется не только для характеристики судьбы человека. Оно позволяет осмысливать различные культурные разломы и конфигурации.

Эриксон буквально выстрадал данную тему. Кризис идентичности оказался во многом изначальным толкованием его собственного жизненного опыта. Имя его биологического отца скрывалось, а еврейское происхождение по матери служило поводом для насмешек и унижения. Отчим Эрика был приверженцем иудаизма. Юношу мучило подозрение, что его отец не был евреем, между тем в семье соблюдались обычаи и ритуалы именно этой религии. Так в душе юноши рождалось смятение от множественности этнических самоотождествлений (женился он на канадской танцовщице), когда Эриксон эмигрировал из Вены в США, ему пришлось осваивать новый культурный уклад.

В 1963 году Эриксон выпустил книгу “Детство и общество”, в которой изложил собственную версию психосексуального развития индивида. Так называется его модель “восьми стадий возрастов человека”. Речь идет не просто о взрослении или о “продвижении” по жизни в целом. Каждый возраст несет с собой конфликт, который можно рассматривать как “кризис идентичности”. Что же является стимулом в устранении конфликта? По мнению Эриксона, психосоциальная адаптация. Очередная стадия дает индивиду возможность выправить ход собственной жизни. Можно, к примеру, устранить безлюбовь, которая сопровождала ребенка на предшествующей стадии развития. Разрешая конфликт за конфликтом, индивид обретает некий кумулятивный опыт. Так он выстраивает должную идентичность.

В результате у Эриксона сложился определенный вектор размышлений, позволяющий рассматривать идентичность как некую субстанцию, набор конкретных характеристик, которые шлифуются в ходе так называемого жизненного цикла. По нашему мнению, подобная трактовка не соответствует современному состоянию философской антропологии. Идентичность менее всего можно рассматривать как некий итог, окончатель-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 14-03-00350 “Культура как кризис — неудача или возможность?”.

ный результат, сведенный к набору личностных качеств. Человеческая природа, как и свойственное индивиду самосознание, не обладает конечной фиксацией. Она разрознена, беспорядочна, фрагментарна. Разумеется, на уровне теории можно говорить о том, что человеческая природа — это совокупность стойких, неизменных черт, общих задатков и свойств, выражающих человека как живое существо и присущих человеку разумному во все времена независимо от биологической эволюции и исторического процесса. Однако в реальности эти свойства не выстроены по некоему ранжиру и в своем броуновском движении несут угрозу хаотизации.

В данном контексте можно сказать, что человеческая идентичность — это то, чего нет, ибо это постоянное и зыбкое мерцание, бесконечный процесс, а не окончательная данность. По существу мы имеем дело не с идентичностью, а с ее тенью. В известной степени Эриксон приближается к такой мысли. Он размышляет о чувстве непрерывности существования человека во времени и пространстве [6, с. 58–59]. Эриксон понимает, что человек располагает множеством образов и “самостей”: «То, что “я” отражает, когда оно видит или созерцает тело, личность и роли, которыми оно прикреплено к жизни, — не зная, где оно было прежде или будет после, — это различные “самости”, которые составляют нашу единую сложную “самость”. Между этими “самостями” существуют постоянные и часто подобные шоку переходы: рассмотрим обнаженную телесную — “самость” в темноте, а затем вдруг освещенную; одетую “самость” среди друзей или в компании выше- или нижестоящих; только что пробудившуюся сонную “самость” или выходящую освеженной из прибора; “самость”, преодолевающую тошноту или обморок; телесную — “самость” в сексуальном возбуждении или в ярости; “самость” компетентную и беспомощную; “самость” верхом на лошади, в кресле дантиста и “самость”, прикованную и пытаемую людьми, которые также говорят о себе “я» [там же, с. 227–228].

Э. Эриксон перечисляет разные блики идентичности, но он убежден в том, что они имеют единый стержень. Он резюмирует: «Действительно, требуется здоровая личность, для того, чтобы открыто связать “я” во всех этих условиях, так чтобы в любой данный момент это “я” могло свидетельствовать о “я” осмысленно непрерывной “самости»» [там же].

Стало быть, Эриксон исходит из убеждения, что идентичность есть тот самый механизм, социальный клей, который при всех трансформациях и состояниях обеспечивает целостность человека. Это и есть осмысленно непрерывная “самость”.

Но согласно современным философско-антропологическим представлениям, не существует такой целостности, которая не была бы подвержена изменениям под воздействием других частных или целого. Целое — это та незаметная, на первый взгляд, основа, которая управляет всеми частностями,

ограничивает их и определяет пути и характер нашего понимания частных (К. Ясперс). Существует многообразие фундаментальных ценностей, но ни одна из них не есть целое как таковое. Все они являются относительными целостностями в ряду других относительных целостностей.

В психологии можно указать на примеры неоправданной абсолютизации относительных целостностей. Мгновенное целое принимается за нечто окончательное. Вся психика, к примеру, сводится только к сознанию. Совокупность способностей объявляется единственной объективной реальностью, единственным предметом научного объяснения. Целое предшествует своим частям. Оно не сводится к сумме частей, а представляет собой нечто большее. Соответственно, целое не может быть познано, только исходя из составляющих его элементов. Целое может сохраниться, даже если его части утрачиваются или меняются. Невозможно вывести целое из частей (механицизм) и вывести части из целого (гегельянство). Части и целое находятся в отношении полярности; целое должно рассматриваться через призму составляющих его элементов, тогда как элемент — с точки зрения целого.

Мы способны помыслить человека еще до того, как образовалась некая сумма его признаков. Целое не есть коллекционирование, собирание частей. Можно познать множество частных, но не приблизиться к целому. Целое, следовательно, лучше оценивать не как границу, а как горизонт. Идентичность постоянно ускользает от завершенности, окончательности. По сути дела, Эриксон связывает идентичность с личностью, с ее реализованной способностью связать воедино все “самости”. Его суждение о личности, к тому же еще и “здоровой”, превращает полную идентичность в некий идеал.

В человеке одновременно работают различные программы: инстинкты и социальность, сознание и бессознательное, влечение и совесть, идентичность и расподобленность, личное и безличное, индивидуальное и социальное, имманентное и трансцендентное. Природа человека не завершена и фрагментарна. Фрагментарность требует полноты, источник которой должен обеспечить бытию основу и целостность. Но целостность — не свойство, не атрибут, а специфический взгляд, который позволяет находить общее, связанное, нерасторжимое. Целостность не задается человеку, а обретается им. Продвигаясь от одной частной целостности к другой, человек в известной степени реализует свой идеал.

“Цельность” и “целостность” — не одинаковые по смыслу понятия. Цельность не выражает все глубины целостности. Она может оказаться лишь фрагментом общего движения человека к завершенности. Человек, по определению, не может быть целостным. Целостность является неким общим устремлением. Именно такое понимание проблемы открывает широкие перспективы для трактовки человека как особого рода сущего.

Что обеспечивает постоянство идентичности?

Можно ли говорить, что я являюсь тем же человеком, которым был год назад, день назад, минуту назад? Разумеется, нет. В человеке преобразается все — телесность, внутренний мир, социальные характеристики. Возможно, определенное постоянство можно закрепить за генетическим арсеналом человека. Но и в этом случае вступают в силу некие гены, которые до известного момента не обнаруживали своей специфичности.

П.-А. Гольбах полагал, что если африканского мальчика воспитывать в кругу европейцев, он ничем не будет отличаться от своих сверстников. Человека формирует, согласно Гольбаху, не природное происхождение, а воспитание. Поступки каждого определяются приобретенными идеями. Однако, несмотря на общее воспитание, африканский мальчик все равно сохранил бы в себе некие генетические задатки, особенности темперамента и национального духа, связанные с африканским родством.

Но разве биологические характеристики человека не поддерживают постоянство самотождественности? К примеру, пол индивида, как правило, остается неизменным. Не принимая в расчет даже тех, кто умышленно отказался от собственной половой идентичности, можно отметить, что в современном мире немало людей, которые пережили трансформацию гендерной самотождественности. Крепкий, здоровый мальчик может в процессе жизни стать женоподобным, а прелестная девочка способна приобрести черты маскулинности. Атлетически сложенный мужчина рискует в конце собственного существования превратиться в бесполое существо. Эксперименты с гормонами могут сильно видоизменить гендерную идентичность.

Вот, кстати, пример. В штате Вашингтон в США в одном из колледжей разработали анкету для поступающих, где, в частности, нужно указать свой пол. Вроде бы, не вопрос на засыпку. Однако в анкете предложен некий реестр из семи возможных вариантов: “мужской”, “женский”, “андрогинный” (гермафродит), “трансгендерный” (так называют тех, кто дезертировал с собственного сексуального фронта на чужой). Остальные три не столь зазывны — “гендерно нейтральный”, “другое” (наука и социология пока в неведении) и “предпочитаю не отвечать на этот вопрос”.

Как тут все разумно, демократично, деликатно. Хотите разместить свой пол в пространстве неизвестности — пожалуйста. Считаете вопрос неделикатным — можно уклониться от ответа. Есть желание заявить о своей полисексуальности, подчеркните нужный пункт в анкете. Сексуальное домогательство — это, конечно, безобразие, но на рынке сексуальных услуг должно быть исключительное разнообразие. Скоро, вероятно, объявятся и энтузиасты некрофильской эротической ориентации. А там и скотоложство, и педофилия, которую вдруг стали оправдывать и поэтизировать. Придуманная анкета — вовсе не

пример толерантности, а скрытая реклама полисексуальности. Как сохранить гендерную чистоту в условиях, когда современная западная культура предлагает множество “узаконенных” отклонений?

Но “голос крови”, вероятно, опровергает тезис Гольбаха о растворимости этнического первородства. Влияние социальной среды неоспоримо. По первому впечатлению, ей все же противостоит этническое самосознание. Как уберечь это этническое постоянство в условиях глобального усреднения образа жизни? В мире происходит невиданная миграция, растет число смешанных браков, утверждается некий общий цивилизационный уклад. Впрочем, и сами этносы отвечают на вызов глобализации не возрождением кровнородственных “самостей”, не обращением к традиции, а конструированием новой этнической идентичности. Поборники современной научной парадигмы толкуют о родстве не по гену, а, условно говоря, по кванту. Национальная идентичность также не служит гарантом постоянства. В качестве курьеза можно привести слова В. Сталина, обращенные к дочери Светлане: “А ты знаешь, что наш отец раньше был грузином?”

Конечно, труды Э. Эриксона как раз и погружают нас в глубины этих процессов. Но спустя десятилетия названные темы обросли многими сложностями. Эриксон полагал, что подросток страдает от смешения социальных ролей. Но только ли подросток? Претерпели трансформацию социальные статусы. Сходна ли деятельность современного президента какой-либо страны с ролью средневекового короля? Не изменилась ли фигура политика буквально за последние десятилетия? Не элиминировалась ли сфера воспитания из деятельности современного педагога? Быстрое преобразование социальных ролей, статусов, должностей в наши дни подтачивает верность принятой идентичности.

Что в этой ситуации главное? Спиноза считал, что камень не может вообразить о себе, что он нечто иное. У камня нет сознания. А человек может. Более того, сегодня по сути дела никто не хочет быть собой. Белый человек мечтает о том, чтобы стать черным. Негр предпочитает оказаться белым. Мужчина и женщина меняют свой пол. “Левый” политик становится консерватором, консерватор мнит себя радикалом. Верующий не вполне осознает, какие традиции и ритуалы он соблюдает.

Первые христиане, наблюдая за восхождением Христа на Голгофу, надеялись, что сейчас Он явит свой гнев и мощь. Случись бы такое с Зевсом, он закидал бы всех огненными плевками и испепелил бы молниями. Но Иисус не явил своей божественной сути и был распят рядом с разбойником. Верить в такого Бога, с точки зрения язычников, абсурдно. Однако ученики Христа, принявшие учение, напротив, были убеждены, что безумно почитать земного кесаря, считать его несравненным. Величие как раз в проповеди Христа.

Само понятие “идентичность” подразумевает тождественность, одинаковость, схожесть, подобие. Однако миллионы людей в наши дни испытывают огромное напряжение, которое возникает между старыми и новыми смыслами. Не только отдельный человек, но и целые группы, народы, страны утрачивают представление о своей уникальной подлинности. В условиях, когда индивид не может справиться со множественностью своих “самостей”, идентичность оказывается размытой. Тысячи людей заняты поисками того магического средства, которое позволило бы им обрести свою идентичность. Подчас томительное чувство расколотости побуждает к обретению экстаза, которое могло бы привести людей к новым формам сознания [3, с. 579].

Идентичность и партикуляри

3. Фрейд полагал, что основой человеческой идентичности может служить тело. Но разве мог он предвидеть, каким трансформациям подвергнется в наши дни человеческое тело. Сегодня оно все больше становится инженерным конструктом. Что поддерживает телесную идентичность, если индивиду вставлен трансплантат, пришта та другая голова или вкачена кровь другого человека?

В наши дни человек еще способен задать себе вопрос: “Кто я?”. Более того, он может даже самостоятельно ответить на него. Однако в эпоху тотального конструирования ему нужно будет переадресовать этот вопрос социуму. Он-то и предложит индивиду на выбор множество “идентичностей”.

Сегодня постоянно обсуждается тема социального конструирования в сфере философского постижения человека [1; 5]. В этой ситуации человек утрачивает свою бытийственность. Он есть не то, что он есть на самом деле, а то, что он воображает о себе. Его идентичность — это грезы о себе. Философские антропологи в наши дни спорят о способах отождествления личности и о бессмертии души. Парадоксальность дискуссий в том, что в качестве аргументов рационалисты-аналитики использовали гипотезы “обмена” телами, бесплотного существования. Видный представитель аналитической философии Питер Стросон полвека назад предложил новое решение старой проблемы. Он ввел новое понятие личности. Оно в его системе размышлений выступает как базисное — первичное, далее неразложимое понятие. Отождествление атрибутов личности (состояния сознания и тела) возможно, по его мнению, только через предшествующее самоотождествление личности.

По мнению П. Стросона, процесс идентичности предполагает отношение к отдельным вещам, событиям, людям и к иным индивидуальным объектам [2]. Чтобы подтвердить тезис о базисной роли материальных тел, Стросон предлагает известный мысленный эксперимент — представить себе мир, который населяют существа, имеющие лишь слуховые ощущение

ния. Для того чтобы при столь обедненном чувственном опыте концептуальная схема содержала в себе идею повторно идентифицируемой партикулярии, необходимо воссоздать некоторый звуковой аналог пространства, но даже при наличии такого аналога (в виде “главного” звука), утверждает Стросон, в рамках концептуальной схемы нельзя провести различие между *Я* и не-*Я*. Но если субъект не отличает самого себя от других элементов его чувственного опыта, ему недоступна идея объективной партикулярии, как недоступна и сама идея *Я*. Однако именно эта последняя имеет ключевое значение для второй категории базисных партикулярий, которые Стросон включает в свою онтологию, а именно — личностей (persons).

В результате традиционных для аналитиков поисков исходных оснований анализа — базисных партикулярий — Стросон пришел к выводу, что существуют два типа базисных партикулярий: материальные тела и личности. Выходит, прежде, чем описать собственное тело как основу идентичности, по Эрикссону нужно осуществить отождествление личности другого и отождествление самого себя. Теоретическое решение такой задачи осложнено тем, что личность толкуется как соединение двух разных сущностей — сознания и тела. Дуализм сознания и тела оказывается исходной точкой почти всякой концепции личности.

В связи с этим в историко-философской традиции сложилось два основных критерия отождествления личности. Согласно первому критерию, необходимым и достаточным условием тождества личности оказывается телесное тождество. Согласно второму критерию — тождество состояний сознания. В большинстве случаев эти критерии взаимно дополняют друг друга. Но возможны конфликтные ситуации (например, описанный Дж. Локком случай обмена телами между сапожником и принцем). Тогда возникает вопрос, какой же критерий — телесный или духовный — получает приоритет?

Что вытекает из этих суждений? Отождествление тела личности невозможно без отождествления самой личности. Тело мертвой личности может быть отождествлено с помощью обычных физических критериев и описано в обычных физических терминах. Но живая личность лишь в особых случаях, скажем, в физическом эксперименте, может быть описана в терминах, подходящих для описания материальных тел, и только при том условии, если она одновременно рассматривается как личность.

Труп может быть отождествлен двояко: как тело отдельной личности и как особое материальное тело вообще без отсылок к личности. Можно сказать, что труп является “базисной партикулярией”, в то время как тело живой личности нет. Итак, есть некоторые эмпирически приемлемые критерии отождествления личности: ее телесные и ментальные атрибуты. Эти атрибуты взаимосвязаны. Нельзя отождествить состояния сознания, не отождествив тело; нельзя отождествить тело, не отождествив

состояния сознания. Таким образом, связь тела и сознания оказалась более сложной, чем в концепции Эриксона.

По его мнению, чем старше становится индивид, тем слабее оказывается его самоотождествление. Ребенок, еще не вкусивший всех благ социализации, способен примерить к себе множество образов. Он подражает родителям, легко ассоциирует себя с разными животными, сказочными персонажами. Мир его идентификаций безграничен. Однако стадия зеркала вносит в его мир собственный облик. Отныне разные персонализации стягиваются постепенно к нему как исходный материал. Но вхождение во взрослое состояние обязывает индивида учитывать образцы, предлагаемые обществом. Внутреннее равновесие должно как-то соотноситься с внешними социальными ориентирами. Внутренний разлад уступает место чувству психосоциального благополучия.

Таким образом, чувства единства и постоянства обеспечивает Эго, та самая психическая инстанция, которая у Фрейда находится между бессознательным и суперэго.

Э. Эриксон пишет: “Одна из задач эго — помочь индивиду осваивать жизненный опыт и руководить его действиями таким образом, чтобы из разнообразных и часто противоположных стадий и аспектов его жизни возможно было синтезировать некоторую цельность — из непосредственных впечатлений и ассоциирующихся с ними воспоминаний, влечений и долга, самых интимных и самых публичных сторон его жизни” [6, с. 91].

Но не каждый человек обладает сильным и успешным эго. Поэтому Эриксон обращается к проблеме личности. Он прослеживает процесс преобразования индивида в личность. В итоге этих размышлений оказывается, что личность является носителем идентичности. Она “обеспечивает существование индивида как цельной личности, характеризуемой тождеством самому себе и целостностью как в отношении внутреннего опыта, так и в отношении актуальности для других” [там же, с. 83].

В эго-психологии личность характеризуется обычно рядом таких качеств, как социализированность, духовность, постоянство во времени. По первому впечатлению кажется, что эти черты рядоположены, то есть социализированность предполагает и духовность. Однако это не так. Отшельник, аскет могут рассматриваться как асоциальные типы, но это не означает, что они лишены духовности. Духовность в свою очередь нередко противостоит предельной социализированности. Личность как социальный тип выражает собой именно кризис социальности. Ж. Бодрийяр в своих трудах подчеркнул, что опыт тотальной социализации индивидов, который пыталась реализовать европейская культура на протяжении последних двух столетий, завершился крахом.

Именно личность в наши дни зачастую выступает в качестве противника тех социальных форм, которые существуют в куль-

туре. Призыв к социализированности нередко оказывается скрытым призывом к лояльности, отвергаемой личностью. Духовность буддиста менее всего предполагает предельную приверженность наличным социальным нормам. Приписывание личности особой духовности тоже создает определенные трудности. В этом контексте чрезвычайно трудно отличать сконструированные личности от метафизических “Я”, трансцендентальных “эго”, чистых актов, духов, ментальных субстанций, душ [10]. Вызывает много сомнений и такая атрибуция личности, как постоянство во времени. В период грандиозных социальных трансформаций это качество может обернуться открытым ретроградством.

Психоистория

Так называется новая психологическая дисциплина, которая родилась на стыке истории и психологии. Одним из ее создателей считается Э. Эриксон. Психоисторики полагают, что жизнь человека обусловлена его историческим контекстом, но при этом огромную роль играет и внутренний мир человека. Психология эпохи, которая порождается во многом психологией личности, оказывается важнейшим фактором социальной истории. Психология сложилась под влиянием идей эго-психологии (Г. Гартман), которая подчеркнула роль адаптивных функций психики, и сравнительной культурантропологии (М. Мид), показавшей культурную специфику и разнообразие биологически обусловленных форм поведения человека. На формирование психоистории огромную роль оказала также клиническая практика в США. Психоисторики поставили задачу изучить социокультурные параметры исторической эпохи, прежде всего характерных особенностей ее духовной атмосферы. Продолжая традиции психобиографий выдающихся деятелей мировой культуры и политики, созданные З. Фрейдом, и биографики К. Ясперса, психоисторики совершили примечательный поворот в этой области. Они отказались от функций классического исторического анализа. Задача психоистории сводилась к тому, чтобы показать, что отдельные личности обеспечивают духовный климат эпохи. Внутриличностные конфликты творческих людей — М. Лютера, Т. Джефферсона, М. Ганди, Б. Шоу, М. Горького — Э. Эриксон изучал как выражение социально-психологических проблем их времени и культуры. Главной методологической установкой психоистории стал своеобразный принцип, который постулировал психосоциальное соотношение интимно-личностных и социально-исторических коллизий. Таким образом, фиксировался важнейший “исторический момент”, который определял судьбы истории.

Психоистория получила достаточно широкое развитие. В Германии вышло немало трудов о нацизме. Психоистория исходит из положения, что существуют бессознательные импе-

ративы человеческих действий. Это предполагает наличие более ранних уровней психического, которые не осознаются субъектом, но в то же время способны воздействовать на его поведение. Засвидетельствованы конфликты между сознательными установками и бессознательными стремлениями на индивидуальном и на массовом уровне. Социально-политическая история часто не получала адекватного объяснения. Однако применение методов психоанализа, культурной антропологии и социальной психологии изменило положение.

Метод психоистории часто называют генетическим, поскольку он подчеркивает значение предшествующего опыта. Такой подход предполагает, что реальности настоящего непрерывно динамически взаимодействуют на бессознательном уровне с личным и коллективным прошлым. Для психоисторика важно не только понимание неких вневременных универсальных фантазий, но и выявление их специфических выражений в данном месте и времени. Они показывают, как социальные травмы — война, голод, экономические кризисы, эпидемии — отличаются по своему воздействию друг от друга, обуславливая вместе с тем характер функционирования группы и стиль лидерства. Американские специалисты не раз применяли методы культурной антропологии, и в частности концепцию “модельной личности”, к изучению германского национального характера. Психоистория оказалась полезной для понимания массовых фантазий и движений, основанных, в частности, на рабской ненависти.

Труды Э. Эриксона, которые издает “Канон+”, несомненно, послужат основой для дальнейшей разработки многих метафизических и психологических проблем в области философской антропологии и социальной философии.

Литература

1. Вопросы социальной теории: Научный альманах. Т. VIII. Вып. 1–2. 2015–2016.
2. *Стросон П.Ф.* Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики / Пер. с англ. В.Н. Брюшинкина и В.А. Чалого. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009.
3. *Тодфлер Э.* Третья волна / Пер. с англ. М.: АСТ, 2004. С. 579.
4. Философские сюжеты Эрика Эриксона: переводы работ американского психоаналитика / Общ. ред., авт. вступ. ст. П.С. Гуревича. М.: Канон+ РООИ “Реабилитация”, 2016. (в печати)
5. Человек в мире возможностей: образы будущего / Под ред. Ю.М. Резника. М.: Изд-во Независимого института гражданского общества, 2016.
6. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ., общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М.: Прогресс, 1996.
7. *Эриксон Э.Г.* Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование / Пер. с англ. А.М. Каримского. М.: Московский философский фонд “Медиум”, 1996.
8. *Эриксон Э.Г.* Детство и общество / Пер. с англ. и науч. ред. А.А. Алексеева. СПб.: Летний сад, 2000.
9. *Эриксон Э.* Трагедия личности. М.: ЭКСМО, Алгоритм, 2008.
10. *Danto A.C.* Persons // Encyclopedia of philosophy. N.Y., 1967. Vol. 1–8.